

Перед тем как запеть, гость разложил на столе рядом со столовыми приборами музыкальные футлярчики и надел на шею металлический хомут-подставку для губной гармошки. Начал с «Деревни».

Ах, эта музыка деревни, оркестрованная в постпунктфлюидовской манере кваканьем лягушек, ночными вздохами и потусторонней скрипкой Куссуля, где протяжные северные российские распевы переплетаются с кельтскими, это отнюдь не полуграмотная простушка стиля «а-ля рюсс», а новая загадка, в которой есть судьба, свобода, душа и свой язык — о чем ты, вечно вечная и новая природа?

«Я уезжаю в деревню, чтобы стать ближе к земле»,— поёт гость.

Я изучаю свойства растений и трав.
Я брошу в огонь душистый чебрец.
Дым подымается вверх. И значит, я прав.

Ночные переделкинские перелески и сирени прильнули к стёклам послушать про себя.

Если же станет темно, чтобы читать Тебе,—
Я открываю дверь, и там стоит ночь.

Голос Бориса Гребенщикова высокий, странный, с нереальным отсветом, будто белая ночь. Культура Северной Пальмиры стоит за ним.

Мы охвачены тою же самою Оробелою
верностью тайне,
Как раскинувшийся панорамой Петербург за Невою
бескрайней.

Когда он, закрыв веки, оборачивается к окну в профиль, его белокурые волосы, схваченные сзади тесёмкой, чтобы не мешали, походят на косу времен Павла I.

В отличие от «хард-рока» и «металлистов» автор бережен к слову, он следует не только школе ироников Заболоцкого и Хармса, но и волевому глаголу Гумилева.

Сквозь пластмассу и жуть
Иван Бодхидхарма склонен видеть деревья
Там, где мы склонны видеть столбы.

Видимо, ирония и пластический монтаж культуры Заболоцкого в музыке времени. После того, как я сказал ему, что его ранние «иронизмы» напоминают «Столбцы» Заболоцкого, Борис кинулся читать Заболоцкого и был сам поражен близостью стиля. Оказывается, он знал Хармса, но Заболоцкого ранее не читал, а писал схоже — сейчас в «новой волне» поэтов идет второе рождение взгляда Заболоцкого. В зрелищных весёлых хэппенингах, которые проводятся новым московским молодым клубом поэзии сейчас, в сложном и гротесковом стиле стихов Искренко, Арабова, Кутика и других его поэтов улавливается та же нота.

Гребенщикову 33 ныне. Принято считать это возрастом Христа и Ильи Муромца, возрастом душевных свершений. Он окончил факультет математики ЛГУ, работал программистом, подтверждая практикой тезу петербургского поэта, что надо верить больше математике, чем мистике. Его отличает тонкий профессионализм, артистизм, истинное знание классики. Еще студентом, оцепенев от «битлов», основал он ансамбль «Аквариум», пожалуй, самую некоммерческую из наших рок-групп. Он популярен. Люди, не знающие его аудитории, представляют её сборищем нравственных уродов и истеричек. Между тем это серьезные знатоки. Ему, как сегодняшнему лидеру «кассетной культуры» (существует такой полуиронический термин), пишут тысячи — студенты, молодые солдаты и офицеры, таёжники. Музыка единит людей и народы.

Когда к нам заезжал Боб Дилан, мне не удалось их свести, но, думаю, заокеанскому кумиру пришлось бы по душе русские распевы современного ленинградца. Зато с Алленом Гинсбергом они заинтересованно играли друг другу в наших деревянных стенах. А вчера художник совершенно иного поколения, загорелый и белый, как лунь, в алом галстуке, Альберто Моравиа, не понимая по-русски, но понимая нечто высшее, что дают музыка и время, отстукивал пальцами по столу ритм его ностальгической песни и с тоской всматривался в осеннее смеркающееся окно: «Я уезжаю в деревню, чтобы стать ближе к земле».

Сейчас общество «Италия—СССР» пригласило «Аквариум» дать концерт в Риме в честь юбилея этого общества. Они хотят слышать новые наши ритмы, наших молодых.

«Всухую», под гитару и губгармошку, поёт он свою песню «Глаз», которая, конечно, теряет без оркестровки труб, но выигрывает в искренности:

На нашем месте должна быть звезда.
Ты чувствуешь сквозняк оттого,
что это место свободно.

Вслушиваясь в ночного гостя, ищущего свои пути, в его «Детей декабря» и «Небо», я пытаюсь понять загадочное ироничное племя, про которое столько ворчливо вдали, видели в нём только варварство, отпихивали от культуры, нарекали эгоцентризмом и инфантилизмом. Но именно они, юные пожарники Чернобыля, без защитных скафандров шагнули в огонь, спасли Киев и нас с вами, именно они, аудитория Гребенщикова, двадцатилетние пограничники, вытащили десятки тонущих с «Нахимова». И наоборот: во время работы над поэмой «Ров» я изучал материалы преступления гробокопателей, разрывавших захоронение 12 тысяч наших людей, уничтоженных гитлеровским геноцидом. Они похищали у скелетов ценности. Хочу повторить, что среди этих преступных мужчин не было молодежи. И в читательских письмах, «откликах на отклики!», опубликованных "Советской культурой», пришли особенно возмущенные и чистые письма молодых. Из Новосибирска пришли тетрадки взволнованных школьных сочинений на эту тему. Поверим им. Их сложному внутреннему миру. Пусть играют и слушают что хотят. Давайте добрее прислушиваться к их вкусам.

Музыка для них не только главное увлечение, это средство общения в разрозненной жизни. Нынешние дети с ходу отличают группы «Зоопарк», «Браво», «Кино», «Роллинг-стоунз» и «Кокто твинз», так же как детство их прадедов отличало раскраску ирокезов от могикан по Фенимору Куперу и Майну Риду.

Происходит рождение некоего коллективного музыкального сознания, миллионы магнитофонов страны сливаются в некую духовную индустрию, по кассетному селектору откликаются миллионы душ. Это—явление. Или правда, идет создание «рок-фольклора» молодого народа эпохи НТР?

Путь в Союз композиторов сложен и многолетен. Молодой музыке «новой волны» нужно своё «вече», творческое объединение.

Освоенная массами современная музыкальная аппаратура ничуть не сложнее для детей компьютерного века, чем была для своего времени гармошка, изобретенная в прошлом веке.

В случае Гребенщикова эта новая стадия «устного народного творчества» сложна и тонка по вкусу. Настоящий мастер всегда

образован. Скажем, кажущаяся площадность Высоцкого обманна — он читал и читал Бальмонта, Цветаеву и современных мастеров. Новая музыкальная культура, пробиваясь с боем, противостоит как тугоухим консерваторам, так и разливанному морю механической поп-халтуры.

Не всем новое явление по вкусу. Есть вещи ещё недодуманные. Так и должно быть.

...Вдруг, окончив одну из песен, он негромко говорит, размышляя: сейчас нечто высшее соединяет музыкантов, поэтов, художников и нечто высшее объединяет разные поколения творцов, не противопоставляет их друг другу. Он имеет в виду общность духа.

Уходя, застенчиво ссутулясь, Борис дал мне свою прозаическую повесть, уходящую в глубь русских сказов и «нескладух».

Новое время работает на новые песни.

Гребенщиков написал более 200 песен. Из них составлено 10 тематических альбомов. В этом году фирма «Мелодия» выпускает наконец его первый диск. На худсовет он пришёл коротко стриженный, что не портило его, но давало его облику ветер и новизну.

На этом диске прозвучат последние записи скрипки Александра Куссуля. Жаль, что тот уже их не услышит.

46-86

Борис Гребенщиков, "Огонёк", 1987